

IN MEMORIAM

Николай Алексеевич Богомоллов
(16 декабря 1950 — 20 ноября 2020)

Ушел из жизни выдающийся русский ученый, один из лучших знатоков и исследователей литературы XX века, биограф и издатель М. Кузмина, В. Ходасевича, В. Брюсова, Вяч. Иванова... Поэзия, критика и проза русского модернизма, история журналистики и издательского дела, дневники, мемуары и эпистолярный жанр, история литературного быта и отечественной науки, пушкинистика, стиховедение и авторская песня, биографика и библиография — интересы Николая Алексеевича Богомоллова были универсальны, и во всех областях он оставил важные труды. Н.А. Богомоллов был наставником не только

для журналов МГУ, но и для нескольких поколений ученых-руси-стов, был образцом и примером, научным лидером. Без его поддерж-ки и щедрой помощи наш журнал тоже вряд ли бы смог состояться.

С разрешения Натальи Александровны Богомоловой мы пу-бликуем автобиографию, написанную для персонального сайта Н.А. Богомолова на портале Российской национальной премии «Поэт» (<http://bogomolov.poet-premium.ru/>).

Меня зовут **Николай Алексеевич Богомолов**. Я родился 16 декабря 1950 года, когда мой отец был студентом первого кур-са философского факультета МГУ (а до того лейтенантом ВВС, летчиком-истребителем; уволен из армии по болезни), который впоследствии стал известным историком философии, сперва совре-менной «буржуазной», а потом и античной, профессором кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ. Мать была библиотекарем.

Детство прошло на Смоленской площади, рядом с Арбатом и Плющихой, Собачьей площадкой и Пречистенкой. В 1968 г. окончил московскую школу № 47 в 1-м Неопалимовском переулке и поступил на русское отделение филологического факультета МГУ. С благодарностью вспоминая многих, кто меня учил, все-таки глав-ными своими учителями считаю С.М. Бонди, М.В. Панова и А.П. Чу-дакова. Дипломная работа моя была посвящена акмеизму, которым я рассчитывал заниматься и далее. Однако неожиданно-негаданно я оказался аспирантом неудобозабываемого заведующего кафедрой советской литературы А.И. Метченко. Однако тема кандидатской диссертации «Взаимодействие и борьба идейно-стилевых течений в русской поэзии эпохи гражданской войны» предоставляла много возможностей для интересной работы. Защитил я ее только в 1979 г., почти через 6 лет после окончания факультета: сначала в 1974–1975 гг. служил солдатом в армии (бессмысленно потерянный год!), а потом еще год ждал, когда все позабудут, какие замечания делали на обсуж-дении работы.

После окончания аспирантуры, в 1978 г., я не был оставлен, как планировалось изначально, на своей кафедре, и пришлось искать работу. И тут мне повезло: я попал на факультет журналистики, на кафедру литературно-художественной критики и публицистики, которой тогда заведовал известнейший критик А.Г. Бочаров, а лек-ционные курсы читали Г.А. Белая, Е.М. Пульхритудова, В.Г. Воздви-женский. Их, ныне покойных, я всегда вспоминаю с благодарностью.

Конечно, кафедра не могла существовать отдельно ото всей системы, но в числе первых учеников этой зловещей школы не была никогда. Можно было чувствовать себя свободно и заниматься тем, что казалось важным и нужным. Никто не мешал сидеть в архивах, а контр-пропагандистская марка позволяла пользоваться спецхранами разных библиотек, читая запретную для подавляющего большинства литературу.

Литература начала XX века довольно рано определилась как главное поле моих штудий, но завоевать место в печати было очень непросто. Только с 1987 года, когда уже вполне сказалась перестройка, вдруг это место оказалось вакантным, и оказалось можно печатать неизвестных для широкого читателя авторов (первыми были Гумилев, Ходасевич, Георгий Иванов; потом к ним прибавились Гиппиус, Кузмин — ну и так далее). И писать о них. На рубеже 1980–1990-х годов передо мной вдруг открылись двери, прежде наглухо запертые — «Художественная литература», «Советский писатель», «Книга», практически любые журналы. Впрочем, об этом см. раздел «Библиография».

В 1992 г. я защитил докторскую диссертацию «Проблемы поэзии в русской критике 1910-х — первой половины 1920-х годов» (уже надо объяснять, что объединение до- и пореволюционной литературы выглядело бы пятью годами раньше абсолютной крамолой), потом А.Г. Бочаров передал мне кафедру, которой я с 1994 года и заведую.

Мне приятно, что мои знания оказались нужны не только в России, но и за границей. И если в 1981–1982 гг. в Алжире я преподавал русский язык и литературу более или менее по случайности, то с начала 1990-х годов меня выбирали уже сами университеты. И я был профессором-гостем в Гарварде, Беркли, Принстоне, Хельсинки, Тарту, Сан-Пауло, читал лекции в Италии, Франции, Германии, Австрии, Швеции, Польше.

Мне очень повезло в науке и в преподавании. Но, может быть, еще больше — в семье. Моя жена — известная переводчица с испанского языка и редактор («Художественная литература», журнал «Иностранная литература», издательства «Иностранка» и «Corpus»). У нас двое сыновей и трое внуков.

Вот, как говорил Хармс, и все.